

ПЕРЕКРЕСТОК

или тридцать лет спустя

Посвящается Фире и Лоре

Все персонажи вымышлены. Все совпадения имен, фамилий и названий являются абсолютно случайными. Автор не имеет никакого отношения к персонажам повести и не несет ответственности за их высказывания.

Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не стоит опасаться,
Давайте говорить друг другу комплименты,
Ведь это все любви счастливые моменты...

Булат Окуджава

Учитель пения, хоть был и женат,
Имел роман с географичкой.
Об этом знала вся школа,
Не исключая младших классов.

...

Вот такая вот музыка,
Вот такая вот вечная молодость.

Сергей Чиграков (Чиж)

- 1 -

Рядом со входом в приземистое серое здание висела табличка: «1-я физико-математическая средняя школа города NN». Антон опасливо протиснулся в полуоткрытую дверь, разыскал комнату, в которой должен был проходить первый урок его девятого «А» класса, вошел. Все лучшие, по его мнению, места оказались заняты, а свободны были только сидения на далекой «камчатке» и одно место за первой партой. Антон вздохнул – он не любил крайностей. Но выбирать было нужно, и он сел за первую парту.

Город NN, в котором происходило действие, в те времена был столицей небольшой советской прибалтийской республики. Единственная в городе русская школа с физ-мат уклоном была тогда без преувеличения знаменита. Про учителей рассказывали легенды – про их остроумие, независимость, и даже про нестандартность методов преподавания. Вообще-то все эти качества не очень поощрялись в Стране Советов: шел 1976 год, и где-то в главном городе этой страны, за красной кирпичной стеной главный ее вождь впадал в старческий маразм, а все вожди помельче – от членов Политбюро ЦК КПСС до комсомольских боссов

районного масштаба – старались ему соответствовать. Еще десять лет оставалось до песни Цоя «мы ждем перемен» – и ни в какие перемены еще не верилось, как не верилось и в набившие оскомину пустословные лозунги.

И все-таки зеленая травка понемногу пробивала пыльный асфальт. На Таганке играли Брехта, и Высоцкий хрипел сорванным голосом под семиструнную гитару. В Питере волосатые ребята с гитарами решили основать рок-клуб – они как будто не замечали, в какой стране живут. Московские интеллигенты взахлеб читали самиздатовских Зиновьева и Солженицына. Но даже самый радикально настроенный диссидент 76-го года разлива рассмеялся бы в лицо тому, кто пообещал бы ему полный развал цитадели коммунизма уже при жизни его поколения. В общем, как-то странно все было, странно и несуразно – но казалось незыблемым.

Ясное дело, Антона эти вопросы не сильно волновали. У него были проблемы поважнее – ему предстояло учиться в этой самой 1-й физико-математической, и никакой радости от очередной смены обстановки он не испытывал. К своей прежней школе он привык, и ему не хотелось снова становиться новичком. Утешало то, что новичками здесь были почти все – в девятый «А» класс набирали имеющих способности к точным наукам учеников со всего города; образование тогда было десятилетним, и следующий, десятый класс был выпускным.

Рядом за партой уже сидел длинный худющий парень, чьи растопыренные локти и колени наводили на мысль о кузнечике-переростке. Физиономия его имела выражение веселое и ехидное, хотя и немного удивленное. «Антон» – представился Антон. «Сидоров. Паша Сидоров!» – на манер еще невиданного в СССР Джеймса Бонда ответил парень. Глядя на хитрую физиономию соседа, Антон решил, что его разыгрывают – в интернациональном городе NN такая хрестоматийная фамилия звучала скорее экзотично, нежели обыкновенно.

Впрочем, времени на сомнения уже не оставалось – в класс влетела молодая энергичная учительница, и началась переключка. Вопреки ожиданиям Антона, его сосед отозвался именно на фамилию «Сидоров». Вызывали девочек, и мужская половина класса одобрительно гудела. Высокая девушка с профилем греческой богини, аристократической осанкой и роскошной, тщательно уложенной на затылке косой, отозвалась на имя Елена. За соседней партой Антон заметил тоненькую девчонку с восторженными глазами – ее звали Мариной – и решил, что, может быть, новая школа не так уж и плоха. Соседа Марины, сидевшего, иронически скривив губы и скрестив руки на груди, звали Юрой; его наполеоновская поза странно контрастировала с маленькими очками, полным добродушным лицом и мощным телосложением, которые больше подошли бы молодому Пьеру Безухову. На одноклассников он глядел немного свысока – но не обидно, а этак по-отечески.

Антон приуныл – в этом классе, как и в прежних, он был по меньшей мере на полгода младше всех остальных, что, очевидно, сводило его шансы на внимание одноклассниц к нулю. Юра же, напротив, был уверен в себе – казалось, он сидел на этом месте всегда, даже тогда, когда и школы-то никакой не было, как сфинкс в песках пустыни египетской. Впечатление, впрочем, было обманчивым – Юра тоже был в школе новичком, да еще к тому же глубоким провинциалом – он жил в крохотном городишке при химзаводе километрах в двадцати от NN, и было ему так же неудобно, как и всем остальным, но он очень не любил показывать свою растерянность. Еще запомнились два брата-близнеца – на первый взгляд они были похожи, как две капли воды, но вели себя так, как будто между ними не было вообще ничего общего, – и Игорь, бледный парень с романтической шевелюрой.

Знакомство заняло минут пятнадцать, потом начался урок. Несмотря на молодость, учительница явно знала свое дело. За оставшиеся полчаса она прощупала класс на предмет всяческих обязательных и не обязательных познаний, и явно что-то взяла на заметку. И длинный Пашка, которому никак не удавалось уместить за маленькой партой локти и колени, и Юра, так и не сменивший наполеоновскую позу на предписанную правилами «руки сложены на парте одна на другой, пальцы выпрямлены», кажется, прошли первый тест. Впрочем, до девочки с серьезным выражением лица и грустными карими глазами абсолютной отличницы им было далеко. Девочку звали Люда, и одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, кто будет лучшей ученицей в классе.

Продребезжал звонок, и, выдержав положенную педагогическую паузу, учительница объявила конец урока. Девятиклассники выходили из класса степенно, осознавая свою значимость и не желая уподобляться бессмысленно суетящейся в коридоре малышне. Юра вышел вместе с Мариной, было видно, что он ей рассказывает что-то очень смешное, она то и дело хихикала в ладонь. Прекрасная Елена подошла к стоящей у окна девочке с миниатюрной точеной фигуркой и светлыми кудряшками, обрамляющими веснушчатое лицо с живыми смеющимися глазами. Наверное, она из параллельного класса – подумал Антон, кудряшки его заинтересовали. Девушки взялись под руки, и, быстро, но негромко разговаривая о чем-то своем, ужасно важном, пошли к столовой. Тем временем Пашка столкнулся в дверях с энергичной коротко стриженной девчонкой; задрал голову и посмотрев на Пашку снизу вверх, девчонка презрительно фыркнула, коротким точным движением отодвинула его в сторону, и вышла из класса. Пашка с несколько обалдевшим видом постоял в дверях пару секунд, потом закрыл рот и отправился за ней следом.

То время было не сильно богато дебатами и общественными дискуссиями. И было бы совсем небогато, если бы не одна благодатная, высочайше разрешенная и одобренная тема – «физики и лирики». Сейчас трудно в это поверить, но с самого начала хрущевских 60-х все – и школьники и студенты, и забывшие собственные проблемы прорабы, сталевары и доярки – с пеной у рта обсуждали животрепещущую проблему: кто важнее для Родины, технари или гуманитарии? Родина однозначного ответа не давала. Технари ковали ей щиты и мечи против врагов внешних, а гуманитарии создавали идейную базу, необходимую для защиты от врагов внутренних. Конечно, прямой вопрос – «а каких, собственно, врагов народная власть опасается больше?» – был бы верхом неприличия, а потому дискуссия тянулась уже больше десяти лет, то затихая, то разгораясь с новой силой. Очевидный ответ – важнее финансисты, дилеры, брокеры и менеджеры, а еще важнее всякая политическая накипь – еще не приходил никому в голову.

Придя в физматшколу, Антон и его новые одноклассники неожиданно оказались буквально за уши втянуты в этот спор. В школе шла нешуточная борьба за юные души: состязались две учительницы, две соперницы-подруги – Фира и Лора, Физичка и Литераторша. Обе были молоды, красивы, талантливы и полны энтузиазма, в меру приправленного колючим ехидством. Конечно, в физматшколе литераторше Лоре приходилось играть на чужом поле, но она и не думала сдаваться. На девятиклассников градом сыпались литературные диспуты и сочинения на какие-то запредельные темы, и даже театральные постановки во всяческих авангардных стилях. На одном из первых же факультативных уроков по литературе Антон неожиданно для себя вызвался подготовить 45-минутный доклад о древнерусской иконописи, а потом долго чесал затылок, пытаясь понять, какой, собственно, черт толкнул его под локоть. Доклад, впрочем, получился, был принят на ура, и с тех пор девятый «А» стал самым подкованным в старинном, но не очень востребованном в двадцатом веке искусстве росписи сухих досок. Много чего еще было на этих факультативах – коллективное прослушивание только что вышедшего авангардистского диска Тухманова и уже почти классической рок оперы JC Superstar; показательный суд над несчастным Раскольниковым (хотя Антону и казалось,

что если кого и стоило судить в этой компании, так это самого Ф.М. Достоевского – за садистские издевательства над персонажами и читателями), умные споры о любви и дружбе, и прочая, и прочая. Вы смотрели фильм «Ключ без права передачи», про старшекласников и их учительницу? Вот-вот. То самое. И вышел этот фильм как раз в том самом году, и смотреть его ходили все вместе.

Физичка Фира вроде бы никаких особо изощренных методов преподавания не выдумывала, но ее неиссякаемый юмор и умение ставить перед своими, как она их называла, «оболтусами» все более сложные и интересные задачи, исподволь провоцируя их на соревнование, – срабатывали не хуже, чем литературно-театральные выдумки Лоры. Уроки Фиры всегда были маленьким спектаклем, каждый мог быть вознесен к самым вершинам ее похвалой или повержен в бездну насмешкой. Особенно много улюлюканья и насмешек доставалось «любимчикам», к которым и Юрка, и Пашка, и Антон не без оснований относили себя. Основанием было, в частности, то, что Фира, вопреки строгому школьному уставу, именно их называла на «ты». Однажды Антон сидел на уроке в электротехническом кабинете и от нечего делать крутил пальцами электрические клеммы, торчащие из каждого стола – что, конечно же, делать было категорически запрещено. На его беду, в этот день растяпа-дежурный забыл обесточить щиты, и Антона стукнуло – но не сильно, 127-ю вольтами. Он отдернул от клеммы руку и вжал голову в плечи, опасаясь справедливой кары. И увидел, как рассказывавшая что-то у доски Фира, пристально глядя на него, сказала беззвучно, одними губами – «ну что, получил, да???» Отвернулась и продолжила рассказ. На этом уроке он понял, что физика может быть безгранично богата переживаниями, и влюбился в эту науку на всю жизнь.

Хороши были и другие учителя, – казалось, рядом с этой яркой парочкой заклятых подруг они тушевались и уходили в тень, но дело свое знали отлично. Англичанка Инна, классная руководительница, без всякого нажима умудрялась справляться с тридцатью гениями сразу. Правда, английскому она их так и не научила, но это не ее вина – программы в наших школах и институтах, кроме ну очень специфических, были составлены так, чтобы исключить всякую возможность освоения нашими людьми вражеских языков. Но это и неважно – те, кому было нужно, выучили потом сами и английский, и всякие экзотические языки, от С++ до аргю парижских клошаров.

- 2 -

Так началась эта история. Пашка и девчонка с короткой стрижкой (ее звали Нэля, и она всерьез занималась плаванием, впрочем, она всем занималась всерьез, поскольку полумер и компромиссов не признавала) жили неподалеку от Антона, и каждое утро они втроем встречались на остановке, с боем прорывались в скрипучий душный автобус, и, с трудом оберегая в давке свои портфели от напора пролетариата, ехали через весь город в школу. При этом, как довольно быстро заметил Антон, Пашка с Нэлей прижимались друг к другу гораздо сильнее, чем это было необходимо. Впрочем, никакого секрета из своего романа они не делали – не в характере прямолинейной и решительной Нэльки было скрывать вообще что бы то ни было. Глядя на нее, каждый понимал, что ее отношение к Пашке – не какое-то баловство, а начало союза на всю жизнь. Раздолбай Пашка был совершенно покорен и очарован, и ни на кого, кроме Нэльки, уже не глядел.

А глядеть было на кого. Все девчонки были хороши. Когда на переменках Елена, та, что с греческим профилем, прогуливалась по коридору со своей подругой Ленкой из девятого «В», той, что с кудряшками, – вокруг них все время крутилось подозрительно много ребят из девятого и десятого классов. И делали эти ребята все, что положено делать, чтобы привлечь к себе внимание – то есть громко вели умные споры, дрались, прыгали, ходили на руках, и так далее. Впрочем, когда на одной из переменок рядом с подругами вдруг нарисовался Юра, количество претендентов на дружбу с прекрасными Ленокками сразу сильно уменьшилось. С Юрой мало кто решался конкурировать – и не

потому, что его боялись, нет, хотя в спортзале он на спор одной рукой поднимал 40-килограммовую штангу, которую Антону так и не удалось поднять двумя руками. Его добродушная близорукая физиономия, однако, никаких опасений никому не внушала. Дело было в другом – он был бессовестно талантлив практически во всем, за что брался, и при этом не в меру обаятелен. В городском любительском театре он играл первые роли; пел под гитару песни Высоцкого так, что захватывало дух, писал стихи, играл в футбол, хохмил, спорил о чем угодно, умел, не морщась, выпить стопку водки и закурить сигарету, то есть был душой любой компании.

И когда стало ясно, что он сражен царственной осанкой и идеальным профилем прекрасной Елены, все решили, что неприступная крепость должна сдаться сама в ближайшее время – не зря же чуть ли не половина девочек в классе посматривала на Юру «со значением», а тоненькая Марина вообще постоянно как бы случайно оказывалась рядом с ним, куда бы он ни шел. Но времена тогда были строгими. За девушкой полагалось ухаживать несколько месяцев, после чего она могла позволить себя поцеловать в щечку. И гордая Елена не торопилась дать умыкнуть себя красноречивому очкастому Парису.

Интрига, конечно, занимала весь класс. Марина все чаще оказывалась рядом с Юрой на лестнице, за партой и в столовой; Елена еще выше задирала голову; кудрявая Ленка с интересом наблюдала за развитием событий. А Антон издали смотрел на Ленку. Она была воплощением очарования, а о себе он был не слишком высокого мнения – у него была масса претензий и к своему росту, и к чертам лица, и вообще мешала проклятая застенчивость. На первом же танцевальном вечере он набрался смелости и пригласил Ленку танцевать, но танцевал плохо, несколько раз наступил партнерше на ногу, не знал, о чем говорить – в общем, получился полный конфуз.

Тем не менее после танцев он под неодобрительным взглядом молчаливого Ленкиного одноклассника и старинного обожателя поплелся ее провожать домой. По пути от обожателя удалось как-то смыться, они пошли гулять вдоль небольшого пруда, и Ленка даже позволила приобнять себя за талию. Антон был счастлив. Впрочем, на этом его роман и закончился – очарование осеннего вечера над озером не повторилось больше ни разу. Он, понятное дело, страдал, переживал и мучился, что никак не мешало ему ухаживать по очереди за всеми девочками класса – ну кроме, конечно, Нэльки и еще Елены, которая все равно была на полголовы выше его, а потому не подходила на роль возлюбленной. Да и кроме сердечных проблем было о чем подумать.

Учиться приходилось много, впереди была олимпиада по физике, но по вечерам несколько раз в неделю изрядная часть девятого «А» собиралась у кого-нибудь дома. Рассевшись по углам слабо освещенной свечами комнаты, пили чай, иногда – пиво или дешевое вино, играли на гитаре, пели, флиртовали, танцевали под негромкую музыку, и под очень громкую тоже. Зажигательно пел под гитару малоприличные студенческие песенки Пашка, проникновенно мурлыкал баллады меланхоличный Игорь; пел и Антон песни Вертинского, не попадая в тон и ритм – со слухом у него были проблемы, но петь и играть хотелось, так что умение он заменял чувством. А иногда, сойдя ненадолго с невидимого Олимпа, гитару брала Елена и начинала тихим контральто – «виноградную косточку в теплую землю зарюю...», и все замирали, и вторым голосом, поддерживая и обволакивая, вступал мягкий баритон Юры – «...и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву... и друзей созову, на любовь свое сердце настрою»...

Хорошо было на таких вечерах. Иногда затевались они прямо у литераторши Лоры в классе или дома – при этом, конечно же, вино в открытую не пилось, и вообще ничего не пилось, а только пелось и говорилось. Не похоже это было на обычное стояние в парадняках, и казалось, что что-то такое схвачено и понято самое главное, не то «all you need is love», не то – «давайте восклицать, друг

другом восхищаться»... А иногда это было – «что касается меня, то я опять гляжу на Вас, а Вы смотрите на него, а он смотрит в пространство...», и чувство это стало привычно-мучительным, необходимым условием прекрасной неповторимости этих вечеров, таким же незаменимым, как проникающие под кожу простые строчки тогда еще живого и даже совсем еще не старого Окуджавы...

И были походы в театр – Лора была завзятой театралкой, а в городском драматическом ставил спектакли ее друг – режиссер-новатор, поставивший целью себе превзойти самого Любимова со всей его звездной Таганкой. И сидели в полутемном зале ошарашенные девятиклассники, почти еще дети, придавленные вдруг обрушившейся на них бесстыдной жестокой правдой «Трамвая Желание».

- 3 -

Двадцать и еще десять лет спустя, по выражению Дюма-отца, а проще говоря – через тридцать лет, в начале мая, в относительно комфортабельном междугородном автобусе Антон ехал в город NN на встречу одноклассников. Небо было ясным, воздух – теплым, никакой грозы, которую так любил в это время года Тютчев (или это был Фет?) не предвиделось. Позади осталась муторная защита докторской и еще более муторное оформление горы никому не нужных документов. Вовремя были получен загранпаспорт и даже оформлена виза – спасибо Пашке, посулами и угрозами заставившему отвлечься от предзащитной лихорадки.

Пашка, преуспевающий бизнесмен, никаких проблем с визами не имел – кроме, разве что, постоянного недостатка страниц в паспорте для штампов пограничного контроля. На неделе он летал за границу по нескольку раз – не столько для гладкости ведения бизнеса, сколько по собственной непоседливости. После того, как уже в десятом классе Пашкины родители, напуганные скоростью, с которой развивались его с Нэлькой отношения, увезли его в другую республику, и действительно, рассчитали все правильно, в отношениях что-то треснуло и сломалось, – чем он только не занимался и где только не был. Прыгал с парашютом, скакал на лошадях, нырял с аквалангом, стрелял, в 93-м на своих «Жигулях» под обстрелом возил пассажиров мимо почерневшего Белого Дома – все в какой-то бесшабашной игре на саморазрушение. С крахом Страны Советов стала не нужна полученная им военно-инженерная специальность, и он, как и миллионы его коллег, занялся бизнесом – с тем, однако, отличием, что его бизнес был весьма и весьма удачен. В Питере Пашка появлялся по нескольку раз в год, и тогда размеренная питерская жизнь превращалась в недолгий, но яркий загул. В город NN Пашка должен был прилететь из Амстердама.

Стараясь хоть как-то отвлечься от заливистого храпа, которым оглашала автобус крупногабаритная мадам на заднем сидении, Антон вспоминал – что мы имеем, чем можем похвалиться перед одноклассниками, а чем лучше не надо. Что удалось найти, а что пришлось потерять...

- 4 -

В начале десятого класса он уехал в Ленинград, и доучивался уже в школе номер несколько-сотен-с-чем-то «с физико-математическим уклоном». И в первый же день, что называется, почувствовал разницу: был выгнан с урока химии за отказ снять с пальца подаренное Ленкой кольцо-«недельку». Отношения с химичкой были испорчены навсегда, зато обретено некое уважение новых одноклассников. Учитель физики В.В. считался непризнанным педагогическим гением – он придумал и всю использовал систему эффективного зазубривания билетов для сдачи вступительных экзаменов. Собственно физике в этой школе не учили.

Самая невероятная полоса в жизни – физфак Ленинградского университета. Вопреки ожиданиям, поступить удалось без всяких подготовительных курсов, – спасибо огромное Фире, и, как ни странно, В.В., чья система все-таки сработала. На физфаке все было таким, каким должно быть на физфаке – лекции, ошеломляющие своей непонятностью, семинарские занятия, лабораторные работы, неизбежная история КПСС и марксистско-ленинская философия, кошмар любой сессии. Но главное во всем этом – совершенно непредставимая свобода. Хочешь – идешь на лекцию, не хочешь – не идешь, тебе же хуже. И оглушенный свободой Антон ходил, мягко говоря, не всегда. Треп на сачкодромах, как называли просторные, скрытые от лишних глаз курилки, был интереснее любой лекции. Возможность в веселой компании проехать остановку на электричке, чтобы выпить пару кружек трижды разбавленного пива с крупной солью вместо закуски, была еще привлекательнее. Но пиво пивом, а пропускать лабораторные работы было себе дороже, так что Антон вовремя сделал правильный вывод: свобода бесценна, поскольку дает тебе возможность самому устанавливать границы, а не топтаться в границах, установленных другими. Он притормозил и удачно сдал весеннюю сессию, – помогла хорошая память и навыки быстрого чтения, – а большая часть веселой компании остановиться не успела и повылетала.

К удивлению Антона, после первого курса повылетали и многие выпускники самой знаменитой ленинградской физматшколы – их подвела слишком хорошая подготовка. На первых лекциях они пренебрежительно крутили носами, показывая, что этот материал они давно знают, и знают много больше того – и вскоре перестали ходить на занятия. А профессора тем временем наращивали темп... В общем, на второй курс перевалили примерно две трети от числа поступивших на первый.

Свобода свободой, но первый курс физфака все ж начался с принудительных работ по благоустройству территории, а второй – с со столь же принудительной поездки на месяц в колхоз. Советское государство за семьдесят лет своего существования так и не смогло решить одну очень важную проблему: устроить все так, чтобы деревня кормила город. Поэтому зерно закупалось в Америке и Канаде, а в колхозах и на овощебазах работала интеллигенция, – с паршивой, по мнению властей, овцы хоть шерсти клок. Или, как любил говорить Юрка, с миру по нитке – мертвому припарка.

За этот месяц Антон, во первых, научился по восемь часов в день копать картошку, не задействуя в этом процессе ни единой клетки головного мозга, и, во-вторых, познакомился со своей будущей женой. Девиц на физфаке было мало – одна на шесть кавалеров, а Галя была вызывающе красива, так что ему пришлось выдержать конкурс жестче, чем при поступлении на физфак. Впрочем, награда победителю была та еще – избалованные вниманием королевы факультета были своенравны и заносчивы, а у Гали в этом смысле был совершенно особый талант; но это, как обычно и бывает, стало понятно позже. Вечера были свободны, и студиязусы оравами шатались по деревне и пели только что придуманные частушки типа «Президент поехал в Даллас, но поездка не задалась» и «Красный комиссар Пахомов перебрался в Оклахому» (упомянутый Пахомов, с которым Антон подружился позже, в стройотряде, и правда потом перебрался, – правда, не в Оклахому, а в Огайо). При случае тырили яблоки в колхозных садах, а вечером сидели у костров или у печек с гитарами. Кто-то, впрочем, и читал умные книжки (наверное), а кто-то и пьянствовал – но без размаха, денег ни у кого не было, да и ближайший магазин был километрах в пяти, в другой деревне.

Грандиозная пьянка, так называемая «отвальная», по традиции произошла в последний вечер. Были закуплены ящики водки и портвейна, и сварена вся утащенная с полей картошка; по счастью, никто от разгула всерьез не пострадал, кроме ответственного за наш курс преподавателя. Да и тот понес ущерб по своей собственной вине – он решил проконтролировать наши посиделки, и ввалился в столовую как раз в тот момент, когда огромный стол был уже накрыт: в кастрюлях дымится картошка,

в блюдца насыпана крупная светло-серая соль, портвейн разлит по кружкам (чтобы зря не засвечивать бутылки, мало ли кого принесет), а в несколько стоящих в середине стола кружек налито подсолнечное масло – для обмакивания в него картошки. По закону подлости, именно одну из кружек с маслом и схватил наш куратор со словами «тааак, значит, выпиваем?». Филипыча народ, в общем, любил и уважал, он был совсем не вредный дядька, как, впрочем, и большинство физфаковских преподавателей. Поэтому его вопрос был встречен ревом тридцати глоток – «Алексей Филиппович, не пейте это, не надо!» – «Ха! – сказал Филипыч – не на такого напали, не проведете!» – и выпил. По гусарски, залпом. Пять секунд молчания, а потом тридцать глоток заорали – «ну Алексей Филиппович, мы ж вам говорили, что не надо!!!».

Со второго курса – военная кафедра, один день (восемь часов) в неделю. Легендарный майор Лаврик ведет занятие по матчасти артиллерии: «...а вот если бы этого замка на затворе не было? что тогда? а?? БУМ! выстрел! затвор срывает, снаряд падает на наши позиции!» Ленкин голос с задней парты: «...и убивает замполита!». Лаврик багровеет. «Кто сказал? Встать! Вы сказали?? Неверно, товарищ студент! Замполит не на позициях. Замполит сзади, при кухне...». Лаврик – светлое пятно, остальная муштровка невыносимо скучна. Из всей военной теории запомнилась одна аксиома: «Земля имеет форму геоида!».

Лекции по термодинамике читает советский граф Никита Алексеевич Толстой. Массивная фигура, породистое лицо, английский костюм с галстуком по оксфордской моде. Читает со вкусом, развалившись в полинялом кресле, рядом на столике – чашечка кофе, пепельница и пачка «Мальборо». Говорит не торопясь, тщательно модулируя интонации. Разницу между обратимыми и необратимыми процессами объясняет, ссылаясь на Евгения Шварца: «один мой друг, Женя Шварц – ну вы должны его знать!». Оказывается, Шварц мечтал об атомной бомбе наоборот. Такой, чтобы от ее взрыва в пустыне вырастали сады, прекрасные здания, целые города. Но, к сожалению, процесс взрыва относится как раз к необратимым...

С третьего курса началась работа на кафедре. Студенты, аспиранты и сотрудники работали увлеченно, допоздна, иногда оставались на ночь – ночью меньше прыгало напряжение в сети, не трясли землю электрички, и вообще было меньше помех для оптических экспериментов. На кафедре Антон научился обращаться с оптикой, юстировать лазеры, паять медяшки и – кое-как – стекло, работать на станках – фрезерном и токарном, собирать электронные схемы, и определять, каким напряжением его долбануло, ориентируясь по тому, какие слова он при этом произнес: при напряжении до 110 вольт обычно удавалось обойтись общеупотребительной лексикой. И здесь ему повезло – аспирант, работавший на кафедре до него, за годы аспирантуры успел только соорудить огромный, четыре на полтора метра, оптический стол, массивность которому придавала сварная железная рама и два кубометра бетона, собственноручно этим самым аспирантом замешанного и залитого. Руководитель группы был по совместительству секретарем диссертационного совета, так что материал для амортизации стола долго искать не пришлось – под него подложили несколько сотен кандидатских авторефератов.

Кстати, пайка стекла – вообще великое искусство. Уже потом, в Оптическом институте, мастер этого дела К., работая с горелкой, обычно заставлял тех, кто оказывался рядом, что-нибудь подержать. Через пятнадцать минут держания народ, изныв от скуки, начинал давать умные советы. И тогда К., глядя поверх очков, строго произносил: «Штатив не должен быть разговорчивым! Штатив должен быть молчаливым!»

А еще на физфаке были дальние стройотряды, которые выезжали работать в Коми и на Ямал. В них попадали не по принудительной комсомольской разнарядке, как это было принято повсеместно, а

по конкурсу с жестким отбором. Решение о том, куда едет отряд – в дальние края или в Ленобласть, – тоже принималось на конкурсной основе, с учетом прошлогодних заслуг. В Ленобласти заработать было нереально, к тому же непрерывно доставали всяческие инспекции и проверки, следившие за тем, чтобы стройотряд ничем не отличался от пионерского лагеря. В дальних отрядах пахали по 12-13 часов в сутки с одним выходным в неделю, – строили, копали, прокладывали железные дороги. Антон, не отличавшийся крепким здоровьем (поехать в отряд он смог только потому, что подделал медицинскую справку, нарисовав на типовом бланке печать синим карандашом), первую неделю в комяцком таежном поселке на берегу Печоры мечтал только о том, чтобы каким угодно образом свалить от непосильной изматывающей работы, мозолей до крови, комаров, слепней и мошки. Особенно кошмарна была первая ночь: студентам выдали только что продезинфицированное какой-то удушающе вонючей отравой постельное белье, и Антон всю ночь провел, то задыхаясь под ядовитым одеялом, то высовываясь из него навстречу черному облаку комарья.

Но постепенно он привык, освоился, мозоли окаменели, спина покрылась черным загаром, и комары отстали – правда, к осени активизировалась мошка, прогрызающая дырки в коже и постоянно залетающая в рот и в глаза. Он научился таскать бревна, подложив под них на плечо пилотку, орудовать топором и бензопилой, и более-менее равномерно в течение тринадцати часов в день кидать лопатой песок, месить бетон, а после отбоя еще бегать на свидания, возвращаясь под утро. Впрочем, это умеют многие, но во второе стройотрядовское лето Антон усвоил искусство спанья на лопате. Это было посреди тайги, где его бригада ремонтировала узкоколейку. После обеда, который привозил специальный локомотивчик, оставались полчаса, а поваляться, особенно в дождь, было негде – кругом мокрый песок, рельсы, и полузаболоченная тайга. Тогда и придуман был гениальным товарищем Валеркой способ спанья на ручке лопаты – на боку, вдоль, подложив под себя собственный локоть, и балансируя во сне.

Бетономешалок в комяцких поселках не было в принципе, раствор месили в огромных чанах штыковыми лопатами на железных рукоятках. Чтобы смыть с себя бетон, после работы, уже в темноте, купались в Печоре. Для этого нужно было быстро, как только возможно, пробежать через полосу леса, на бегу стаскивая с себя одежду, не замедляясь, прыгнуть в ледяную воду, а потом повторить все в обратном порядке. Любое промедление в таежной зоне было чревато опухшей физиономией и конечностями.

За две недели до отъезда из первого стройотряда трех друзей – Леху, Олега и Антона перебросили из Знаменки в Комсомольск-на-Печоре, в выездную бригаду. Суть этого мудрого решения командования стала понятна, когда они добрались до места: половина бригады болела дизентерией, а потому никак не могла ходить на работу. Собственно, не только на работу – они оккупировали все уличные деревянные сортиры в поселке, и не могли отойти от них даже на пять минут. Врач Женя, выпускник славного санитарно-гигиенического института, чудесно умел махать лопатой на железной рукоятке, перемешивая и раскидывая бетон (ни одна рубаха не выдерживала движений этих могучих мышц дольше недели), но этот случай был явно вне его компетенции. Скормить страждущим по пачке энтеросептола – все, что он мог. По идее, он был обязан сообщить в штаб об эпидемии, но тогда всю бригаду, а то и отряд заперли бы в карантин – и прощай, стройотрядовский заработок, на который мы все собирались существовать целый год. Для троих друзей не нашлось места в общежитии, и их поселили в недостроенном бараке. Крыша там была, а вот двери не было. Электричества и мебели тоже. Но на полу лежал вполне мягкий слой строительной пыли и мусора, на который можно было кинуть спальные мешки. Вообще в отряде был строжайший сухой закон, действовавший все лето (кроме, конечно, Дня Строителя и отвальной, во время которых студенты

оттягивались разом за все), но троица решила, что в обстановке эпидемии, да еще и в продуваемом насквозь темном бараке не пить просто преступно и глупо.

Надо сказать, водка воркутинского разлива – это отдельная песнь. В том смысле, что с этой жидкостью никакой дизентерии не надо, и будильника тоже. Вечером выпиваешь стакан – в пять утра просыпаешься, как штык, вскакиваешь и бежишь, перескакивая через штабеля бревен и трубы теплотрасс, и следующие полчаса проводишь в глубоких раздумьях. Но зато ни одна палочка и ни одна бактерия в таких условиях не выживает, это факт. И наши герои не заболели. Ну, правда, Леха выпилил бензопилой из плеча Олега здоровенный кусок мяса, но, во первых, этого мяса там осталось еще довольно много, а во-вторых, – это совсем другая история.

Травм и болезней в отрядах хватало, и пару раз Антона спасала только неплохая реакция и знание основных физических законов. Один раз на восьмиметровой высоте по приставной лестнице, на которой стоял Антон, скользнула падающая балка крыши, и лестница отскочила от столба и стала вертикально, как в замедленном кино. Спас третий закон Ньютона – Антон изо всей силы швырнул топор назад, в заросли бурьяна. Лестница подумала немного, и прислонилась обратно к столбу. Спускался с нее Антон минут сорок – ноги наотрез отказывались держать, потом четверть часа лежал, глядя в высокое небо, потом послал подальше явившегося откуда ни возьмись бригадира, потом еще полчаса искал топор среди крапивы. Был еще случай на узкоколейке, когда состав с лесом, переживавший в паре сотен метров от бригады ремонтные работы, тронулся, и одно бревно на платформе от толчка развернулось и встало поперек, набирая скорость вместе с составом и грозя снести стоящих рядом с путями студентов... Бежать было некуда, но оно упало, не доехав до них метров пяти. Много чего было.

Все эти подвиги и лишения нужны были для того, чтобы при минимальной удаче через два месяца привезти домой столько денег, сколько средний инженер зарабатывал за целый год, но главное – чтобы осенью прийти на факультет в застиранной, пестрящей эмблемами и значками и местами залитой мазутом стройотрядовской куртке. И странно, но через неделю после возвращения домой к мягкой постели, чистому белью и вообще расслабленному городскому существованию начинало снова тянуть туда, к комарам, бревнам и бетону...

- 5 -

1982 год проводами «серого кардинала Политбюро» Суслова открыл «пятилетку похорон». Как называется прекрасная, торжественная и печальная музыка, которую в особых случаях играли по радио – Антон тогда же узнал от музыкально образованного однокурсника Леньки. Как-то раз Ленька с особым воодушевлением сказал – «все, опять адажио Альбиниони передавали... верное дело – еще один копыта откинул, можно занимать очередь за газетой с некрологом!», и напел для убедительности – «та тада тада тАаа да, та тада тада тАаа да»... Потом, правда, оказалось, что Альбиниони этого адажио вовсе не писал, а написал его не так давно другой итальянец – склонный к мистификациям Джадзотто.

Но похороны похоронами, а жрать все-таки надо. И вот Антон выгнан из дома за картошкой с директивой с пустыми руками не возвращаться. У него с собой пустая вместительная сумка и рубля три денег. До ближайшего гастронома с овощным отделом идти минут десять. Но уже на полпути становится ясно, что он идет не зря – из дверей овощного отдела торчит метров на двадцать очередь, состоящая из боевых горластых теток и зачморенных мужичков. Встает в хвост и целый час старается не слушать, о чем говорят кругом. Оплачивает в кассе шесть кило картошки, встает в очередь к картофельному прилавку – она покороче, и впереди – все те же до боли знакомые спины. Вонь стоит

невыносимая – пахнет плесенью и гнилью, и еще чем-то давно перебродившим. За прилавком – детина в грязно-белом переднике. Он берет протянутый чек, изучает его, шевеля губами, потом с размаху накаливает его на длинный железный гвоздь. Начинается ответственный процесс взвешивания продукта. Где-то за прилавком с лязганьем оживает транспортер, слышится шуршание и почему-то хлюпание. Дитина долго уравнивает качающиеся гирьки, затем, удовлетворенный результатом, рывкает – «сумку подставили, ну, быстро!» – и дергает за рычаг. Это самый ответственный момент – кто не успел, тот опоздал. Из наклонного жестяного желоба, торчащего из стенки прилавка, с тем же хлюпающим звуком вырывается черно-бурая масса и падает в сумку. Разбираться с ее составляющими придется уже дома, но заранее известно, что примерно на треть она состоит из земли, на треть – из картофельной гнили, и на треть – из подгнившей и помороженной картошки, узловатой, усыпанной глазками и бугорками, и нещадно порезанной ножами картофелеуборочного комбайна.

Это все еще ерунда – на овощебазах та же картофельная масса выглядит гораздо хуже. Там ее в сырых холодных бетонных боксах сортируют научные сотрудники и студенты, после чего гниль выкидывается, а картошка, признанная хорошей (но по-прежнему не вымытая и не высушенная) отправляется гнить в те же насквозь отсыревшие бункеры. За год этот процесс повторяется несколько раз, в результате чего выкидывается примерно девять десятых урожая. А дни, проведенные среднестатистическим научным сотрудником на овощебазе, складываются в недели, недели – в месяцы. К пенсии обычно набегает годы во славу советской науки.

Физфак: ежегодный День Физика празднуется не один день, а пять – со среды по воскресенье, на него приезжают команды из всех физических ВУЗов страны – из Москвы, из Сибири, с Кавказа, из Прибалтики. Во время кульминации – «Кубка вызова», на котором команда студентов состязается в остроумии с командой профессоров – огромный конференц-зал набит до отказа, и снаружи его штурмуют сотни безбилетников. Стены увешаны огромными плакатами (помнится, на одном была изображена примерно семиметровая Статуя Свободы, по которой ползали студенты в стройотрядовских куртках, скальвающие с нее зеленую патину, – в результате чего уже обнажилась одна розовая грудь с темным соском). Действо начинается с исполнения всем залом гимна физфака на мотив «Дубинушки». На словах «а декан наш мудрец, задолбал всех вконец, для него что студент, что скотина; но и сам он того, – ходит слух про него, что и сам он большая дубина!» – на сцену выходит декан и присоединяется к хору. Такова традиция, нравится это ему или нет. Деканы приходят и уходят, а традиции остаются.

Лето после пятого курса – военные сборы в артиллерийском полку в Ленобласти. Ничего унылее, тоскливее и безнадежнее, а главное – голоднее этого месяца в жизни Антона не было. Особенно впечатлил его воскресный обед: по воскресеньям на второе полагалось мясо. Выглядело оно так: на блюде лежали десять (по числу сидящих за столом) кубиков желтого, многократно вываренного, жесткого, как резина, жира. И ни у кого даже мысли не возникало попробовать такой кубик разгрызть. Нет, мясо в полк поступало согласно нормативам, но его сжирали старшины и прапоры – такая совершенно особая категория личного состава. Офицеры обедать солдат считали, в общем, недостойным, но благодаря хозяйничающим на всех складах и кухнях прапорщикам до солдат нормальная еда просто не доходила. Как эти дистрофики таскали автоматы – для меня загадка. На территории полка была солдатская лавка, в которой торговали галетами и сушками, но ни у кого не было денег. Из всего курса нормально себя чувствовал только один доходяга – его семейство внушило ему, что он болен, и должен жрать только проросший овес, и снабдило его овсом на месяц вперед, так что он не испытал особых неудобств. Непрерывная шагистика и муштра – начальство поставило себе священной целью «сделать из раздолбаев солдат» всего за один месяц; постоянное

недосыпание – в части был недобор личного состава, и ходить в караулы и дежурить по кухне приходилось вдвое чаще положенного.

Впрочем, один светлый момент все-таки запомнился – так называемая «обкатка танком». По идее это значит, что солдат лежит в неглубоком, с полметра глубиной, окопчике, а на него прет танк. Солдат поднимается, бросает в танк гранату, падает, ждет, пока танк проедет над ним, и снова бросает гранату ему вслед. Надо сказать, офицеры, которым было поручено превращение студентов в людей, мыслили вполне трезво, и не собирались рисковать своими погонами, положившись на непредсказуемую студенческую психику. Поэтому они решили применить на практике принцип относительности Галилея: дескать, танк, а за его неимением – артиллерийский тягач пусть стоит, грохочет моторами и пукает газами, а студент пусть ползет под ним. И все бы сработало, если бы габариты первого пущенного под тягач студента, отделенного командира Коли, не превысили норму. Коля застрял под тягачом, как Винни-Пух в дверях у Кролика, и обкатку пришлось отменить. В результате студенты обрели абсолютно неожиданный, а потому вдвойне благословенный час в траве под высоким небом Выборгской области...

В последний вечер сборов – попытка коллективного неповиновения из-за двоих товарищей, ни за что отправленных дежурным по полку на гауптвахту: они всего-то фотографировали на память вечернее построение, и для этого залезли на дерево. Если совсем честно, то дерево понадобилось вот почему: шесть студенческих взводов были построены не по уставу, а в виде слова из шести букв, примерно эквивалентного по значению слову «конец» и знаменующего окончание сборов, – а это углядеть можно было только сверху. Построение сопровождалось хоровым пением народной физфаковской песни, что и привлекло дежурного. Крамолы в построении дежурный не заметил, но заметил двух курсантов на дереве, и с размаху закатал им по пятнадцать суток. В результате опьяненная предвкушением завтрашней свободы студенческая братия отказалась маршировать в казармы и осталась на плацу, а не очень умный дежурный не придумал ничего лучшего, чем вызвать из дома командира полка.

По счастью, командир полка оказался педагогическим гением. Начал он с того, что распорядился вернуть фотографов, воткнул их в общий мятежный строй, и срывающимся от праведного гнева голосом произнес речь примерно часа на полтора. Начал он с объяснения того, как классифицируется и карается бунт в Советской армии, и с обещания отправить весь курс служить два года в штрафбате без всяких там дипломов. Надо пояснить, что в самом начале сборов студентам показали стандартный учебно-воспитательный ролик о штрафбате – в частности, о том, как проштрафившихся солдат, среди которых есть просто неудачливые бедолаги, а есть воры, убийцы и насильники – в количестве нескольких сотен душ загоняют на ночь в бетонный бункер и до утра запирают за ними железную дверь; поэтому аргументы полковника были выслушаны со всем возможным вниманием. Накричавшись вволю, закончил полковник свое выступление тем, что раз, дескать, вы такие сволочи, то завтра уедете домой на два часа позже, чем вам было обещано. Умница, надо признать.

И уехали бы все вместе, если бы во время речи из строя не выпали два студента. Где они взяли выпивку – загадка, но вот им действительно пришлось задержаться на гауптвахте. На этот раз мятежные роты не протестовали: за дело, значит – за дело.

Год 1984 – защита диплома. Трудно что-то написать про физфак так, чтобы это не прозвучало не в меру пафосно. Для Антона физический факультет был продолжением его любимого девятого «А» класса. И так же, как тогда, в девятом «А», что-то невидимое объединяло всех на факультете, и объединяет до сих пор, и лучше всего оно выражено в пушкинском четверостишии, переделанном с чувством, хотя и несколько коряво, и ставшем девизом физфаковских выпускников – «куда бы нас ни

бросила судьбина, и в жизни ни был бы наш путь каков, все те же мы – нам целый мир чужбина, отечество нам Старый Петергоф»...

Работа по распределению в Оптическом институте (там обещали аспирантуру, но уже после приема на работу выяснилось, что до окончания трехлетней стажировки она не положена – и сколько еще знакомых Антона на этом погорели и до него и после!), проходная с ячейками для пропусков, минутное опоздание – прогул и лишение премии. При поступлении на работу – инструктаж: о любых контактах с иностранцами, если таковые, не приведи Господь, произойдут – докладывать немедленно; увидев около института машину с иностранным или дипломатическим номером – сообщать, потому что «они наводят лазер на наши окна и по отраженному лучу расшифровывают, о чем вы говорите в лаборатории». Говорили в лаборатории в основном о футболе, еще рассказывали анекдоты про Брежнева, Андропова и Черненко. Самым популярным в те годы был такой анекдот – на похоронах Черненко французский посол спрашивает английского посла: неужели русские и Вам прислали приглашение? – Ну что Вы! – отвечает английский посол, – У нас абонемент!

Это не худший вариант – почти половину курса после выпуска отправили на два года служить лейтенантами в глухомань, кого-то засунули в секретные институты, в просторечии – номерные «ящики». Тогда у многих «ящиков» были, кроме номеров, «открытые», но ничего не говорящие названия – «Рубин», «Гранит», и так далее. И был, говорят, институт под названием «Самшит». Все бы хорошо, но началась перестройка, и в страну стали приезжать иностранцы. «Как, вы говорите, называется ваш институт? Some shit? Oops...».

Антону с распределением повезло – хотя вместо Физтеха, о котором мечтал, он попал в режимный Оптический институт, и аспирантура обломилась, но зато он оказался в лаборатории блестящего молодого академика Александрова, которого все сотрудники называли просто Шефом; и это определило всю его жизнь. О Шефе, удивительном человеке, ученом и Учителе, нужно рассказывать отдельно; а в эту повесть поместятся разве что несколько моментов из тех времен.

- Шеф идет по институтскому двору мимо каких-то маляров. Маляры роняют со стремянки банку с краской на землю, безнадежно забрызгивают ему брюки, а потом долго, громко и с наслаждением матерят его, - за что, не очень понятно, ну разве за то, что интеллигент. Весь остаток дня Шеф тих и грустен.
- Шеф идёт по институтскому двору и тащит в каждой руке по блоку питания УИП-1 (47 килограмм каждый). За ним след в след поспевают сотрудник его лаборатории К., и несет сетевые шнуры, волочащиеся за приборами.
- Шеф терпеливо выслушивает довольно нервный рассказ Антона о том, что локальный партийный босс пытался его, Антона, заставить писать заявление о приеме в партию, ссылаясь на какое-то решение партбюро и суля немедленный карьерный рост, – а он, понимаете, отказался, сославшись на занятость по работе. Шеф смотрит ехидно, и неожиданно цитирует Атоса - «Вы поступили, как должны были поступить... но, возможно, Вы совершили ошибку!».
- Шеф вызван на партбюро, хотя он и не член партии, и никогда им не был. Ему почтительно, но настойчиво устраивают втык за то, что он ездит с сотрудниками в колхоз и на овощебазу - академикам не положено, конфуз может выйти, если империалисты прознают. Шеф заявляет, что не понимает, как это он других будет посылать, если сам не поедет. Партбюро от него с неохотой отстает, и нас начинают гонять реже.

▪ Шеф уезжает в командировку. Его сотрудник К. сидит на своем рабочем месте, и, отключившись от реальности, размышляет вслух: «Завтра Шеф приедет... А что ж я ему скажу? что ж я ему скажу-то?». Минутное сосредоточенное молчание, во время которого он перебирает в памяти все не полученные за время отсутствия Шефа результаты, и оп-ля – решение найдено. Радостным голосом: «А я ему скажу – здравствуй, Шеф!!!».

Начало перестройки, вся страна кидается читать газеты и журналы, «Литературку» не достать – подписка на нее разыгрывается на предприятиях. Читают – впервые – про репрессии и лагеря. Читают Гранина и Солженицина, Домбровского и Шаламова, читают рыбаковских «Детей Арбата», читают «Доктора Живаго» – утоляют многолетний литературный голод. А в магазинах – голые полки, все продукты продаются только по талонам, но и по талонам ничего не купить. Горожане кормятся исключительно тем, что растет у них на «приусадебных участках» – клочках земли в болотистых пригородах, не имеющих никакого отношения ни к каким усадьбам. С каждым годом с продуктами становится все хуже. Трехлетняя дочь, зайдя с бабушкой в магазин, начинает смеяться – ей кажется очень смешным, что на полках нет вообще ничего!

Книги – пока еще жуткий дефицит, в магазинах только партийная литература и генеральские мемуары. Хорошие книги можно достать через институтское общество книголюбов (в порядке очереди, и с обязательной нагрузкой в виде тех же мемуаров) и еще – с середины 80-х – в магазинах книгообмена. В них своя иерархия, все книги делятся на категории. В первой, самой высшей – романы Пикуля. В один прекрасный день Антону удается урвать в обществе книголюбов вожделенного Пикуля, отнести его в книгообмен и поменять на первый советский сборник Булгакова. Все счастливы.

Безалкогольный 1985-й год, лето. Антон и Леха с женами плывут по Волге к Астрахани на байдарках, а за ними гонится моторка, спущенная с 4-го плавучего рыбзавода, и хриплый матрос взывает к их лучшим чувствам - «Студенты! у нас полный корабель икры, а выпить нечего! ну уступите бутылку за икру, за сколько хотите!». Но они не уступают ни в этот раз, ни во все следующие - у них на все путешествие припасена только одна бутылка водки на крайний медицинский случай. Так им черной икры и не удается попробовать.

Рыбьей костью в горле запомнилась зима 1986 года – дочке три месяца, на улице жуткий мороз за – 30. Сначала не выдерживает отопление, потом перестает идти горячая и холодная вода, потом не выдерживает перегрузок и отключается электрическая сеть. Вместо газовых плит в новой многоэтажке электрические, но без электричества они не работают. На стене кухни изнутри – трехсантиметровый слой льда. Дочка две недели, пока воздух на улице не «прогревается» до –20, живет в теплом конверте, который бабушка сшила для нее из своего пальто. В магазинах нет туристских примусов, их все раскупили, но при первой же возможности поумневшие Антон с Галей закупают примус и канистру керосина.

1989-й год – постоянное ожидание гражданской войны, – на окраинах она уже идет, республики одна за другой объявляют об отделении, и где-то уже армию бросают на подавление – давить безоружных людей танками и рубить саперными лопатками, да и центр тоже трясет, не переставая. Митинги, демонстрации, забастовки голодных шахтеров, еще немного – и полыхнет.

Защита кандидатской; по субботам и воскресеньям обязательные поездки к магазину «Юный Техник», чтобы продавать записанные на магнитофонных кассетах программы для компьютера «ZX-Spectrum» – это помогает выжить при многомесячных задержках зарплаты. Самодельный, спаянный из примитивных микросхемок компьютер с оперативной памятью аж в 48 килобайт стоит на кухне,

вместо монитора у него – черно-белый телевизор, а вместо жесткого диска и дисковода – кассетный магнитофон «Весна». Программы для продажи переписываются по ночам при выключенном холодильнике, потому что щелчок холодильника губит запись напрочь.

Втюхав чайникам-неофитам несколько красиво разрисованных кассет, и внеся тем самым посильный вклад в становление российского компьютерного пиратства, Антон едет на книжный рынок, где есть практически все, чего нет и никогда не было в магазинах – Борхес, Стругацкие, даже Булгаков... но все стоит безумных денег. Иногда хорошую книжку удастся на что-то выменять, но обычно на нее уходит изрядная доля пиратского заработка. До сих пор жалко ту библиотеку (жена после развода сдала ее в букинистический), да и следующую библиотеку тоже жалко, хотя гораздо более крупные потери давно уже забылись. Сказано же – «не собирайте сокровищ на земле».

Да, нелегальная толкучка-барахолка у магазина «Юный Техник» – это отдельная история, достойная своего скальда, столь же овеянное легендами место, как знаменитое кафе «Сайгон» на Невском. Миниатюрная модель происходящих в стране процессов. Впервые Антон попал на нее еще в десятом классе, в 1977-м. Тогда здесь по субботам собирались меломаны, торговали «дисками» – привезенными с запада виниловыми пластинками. За 45-минутный диск отдавали до сорока-пятидесяти рублей – месячную стипендию. На толкучке процветали спекулянты; были и еще более экзотические профессии, например – «гуталинщик». Так называли мошенников, которые скупали по дешевке заезженные (или, как тогда говорили, «запыленные») диски, и дома тщательно полировали их обувным гуталином. Гуталин заполнял все царапины и микротрещины, и пластинка начинала блестеть, как новая. Она вообще выглядела, как новая – пока ее не ставили на проигрыватель... Продав ударными темпами десяток нагуталиненных дисков, гуталинщик исчезал с толкучки на несколько месяцев. А появившись снова – бывал и бит. Забавно, что, хотя вряд ли кто-то сейчас помнит, что такое «гуталинщик», – слово «нагуталинить» осталось в языке и разошлось по стране... Были «на толпе» и настоящие коллекционеры. Говорили, что история питерской толкучки уходит в 60-е годы – тогда здесь обменивались «музыкой на костях», записанной дома на старые рентгеновские снимки поверх чьих-то ребер и позвончиков.

Толкучку периодически гоняла милиция – с ходу подлетал газик, из него выскакивали бравые парни в форме и фуражках, и тогда продавцы и покупатели бегом рассыпались по окрестным параднякам. Захваченные пластинки поступали в распоряжение бравых милиционеров и потом каким-то таинственным образом снова оказывались на толкучке, а попавшихся продавцов отдавали на воспитание и исправление комсомольским комитетам.

А в середине 80-х годов продавцов музыки потеснили электронщики – начался век персональных компьютеров. В ту до-интернетовскую эпоху эта толкучка стала общегородским форумом – клубом, где обсуждались компьютерные новинки, рассматривались и изучались процессорные платы, дисководы и контроллеры... и не просто форумом, а Меккой компьютерных фанатов – будущих хакеров, взломщиков банковских систем, программистов Майкрософт и воротил российского компьютерного бизнеса.

И тут, почуяв прибыль, барахолку «приватизировали» те самые деятели из районного комитета комсомола, которые в течение предыдущих двадцати лет пытались ее уничтожить. Ее перенесли на новое место, обнесли забором с неизбежной в те времена колючей проволокой, и стали продавать входные билеты. На десятках, а потом и сотнях лотков бойкие молодые люди начали торговать пиратскими дисками – всевозможными операционными системами, программами, играми, фильмами, музыкой. Подпольные компании, штампуящие эти диски на копеечных китайских болванках, гордо ставили на них свои логотипы и давали двухнедельную гарантию.

Законопослушные немецкие и американские туристы скупали пиратский софт целыми коробками. Потом к компьютерным рядам добавили вещевые, – там «челноки» и скупщики развернули торговлю сшитыми в Турции из гнилой материи настоящими итальянскими джинсами и куртками. Торговали музыканты, литераторы и преподаватели; торговала, устав надеяться на потерявшиеся в межбанковских махинациях зарплаты, вся страна. И Антон, и его коллеги по субботам приходили сюда, как на работу – не только заработка ради, но и потому, что это было единственное место, где можно было достать радиодетали, элементы и реактивы для основной работы.

Потом – уже в новом тысячелетии – вещевая барахолка разрослась, скупщиков сменили серьезные фирмы, появились крытые павильоны и торговые центры, компьютерных гуру вытеснили в Интернет, продавцов пиратского софта загнали в подполье, и стихийный компьютерный клуб стал самым крупным в городе рынком. Антон не без ностальгии вспоминал субботние походы «на толпу» – атмосферу «компьютерщик компьютерщику брат»; бородатых длинноволосых парней, готовых под бутылку пива ответить на любой вопрос по компьютерному софту и железу; павильон, где каким-то электронным хламом торговал сам Сергей Зонов – знаменитый автор версии компьютера «ZX-Spectrum», чудесным образом приспособленной под советские микросхемы, которые, как всем известно, самые большие в мире... Да и вообще интересно было в конце восьмидесятых, в животе пусто и немного страшно, зато весело...

Где-то в самом конце восьмидесятых сестра Антона на гонорар от спектакля (70 долларов, кажется) купила дом в деревне в Новгородской области, а мама увезла туда мелких девчонок на лето. Вот тамгодились полученные в отряде навыки - пришлось поднимать дом и строить все вокруг заново. Деревянному дому было больше ста лет, пол с поставленной прямо на него печкой просел, просели и потолочные стропила. Антон с безногим плотником Толей (ему ноги отрезало локомотивом) залезли в полуметровое пространство под полом, и, лежа на спине и дыша в доски пола, домкратом подняли пол вместе с печкой, потолком и мебелью, а потом завели внутрь шестиметровый брус и подперли им все это. Как оно все не упало на них сверху – загадка. Но хорошо, что не упало. Сельский магазин открыт два раза в неделю, но обычно там нет ничего, кроме соли и спичек. Если привозят что-нибудь дефицитное, – например, конфеты – бабы в очереди зорко бдят, чтобы их не продавали «городским». По вечерам Антон ведет степенные беседы с соседом дядей Гришей.

Дядя Гриша – крепкий мужик. Высокий, худой, седой, прямой, с огромными кистями рук - он выглядит, как командир забытой армии. Он отплавал пять лет на подводной лодке, да не на простой, а на атомной, если, конечно, верить его рассказам. Его старший сын живет в соседней деревне и работает там трактористом, а младший сын живет в другой соседней деревне, и работает главным агрономом всего совхоза. Поэтому на огороде, разбитом на заднем дворе дяди Гриши, соток так на пятьдесят, всегда суетится пара тракторов со всякими там культиваторными насадками. Жена дяди Гриши, тетя Нюра, встает в пять часов утра, и взяв в мощные руки ведра, корыта, ухват, долото, топор и всякие прочие бытовые инструменты, шустрит, не присаживаясь, весь день до заката, перетаскивая и перекапывая тонны всякого полезного сельскохозяйственного сырья. Когда тетя Нюра начинает особо активную деятельность, дядя Гриша со вздохом встает с лежанки, и включается в работу. Работу он себе назначил такую: придирчиво выбрав тоненькую хворостинку, он выгоняет любимую корову (судьба остальных животных его не занимает) в поле, и там, на вольном просторе, сквозь сон наблюдает за медленным процессом переработки травы в навоз. Как все колхозники, дядя Гриша отсидел свою пару лет за кражу мешка то ли с зерном, то ли с мукой. Кто не сидел - тот не мужик, это в деревне всем понятно.

В августе 1991 года – путч, реставрация власти коммунистов, военное положение, запрет отпусков, увольнений, митингов, собраний. Дочери в это время пять лет – страшно за нее. Узнав о путче, Антон отвез семейству продукты и рванул обратно в Ленинград – не то чтобы хотелось поучаствовать в событиях, но сидеть в деревне было невыносимо. Ночное дежурство в оцеплении у не подчинившейся путчистам ленинградской мэрии. Однокурсники пришли, не сговариваясь; Ленька приехал из Петергофа, по дороге увидев, как в город по железной дороге везут танки – их вообще-то возили туда-сюда постоянно, но на этот раз Ленькино сообщение произвело впечатление гнетущее. В оцеплении не только гражданские, но и дембеля-«афганцы» в белых повязках на головах (чтобы узнавать друг друга), – деловито выгружают из багажников непрерывно подъезжающих и отъезжающих «Жигулей» бутылки с «коктейлем Молотова» – а мы, штатские, просто стоим всю ночь не пришей кобыле хвост, и ждем, остро ощущая свою никчемность. Ожидание танковой атаки. Баррикады из троллейбусов.

Страх, боязнь танков, но еще больше – уверенность в безнадежности сопротивления, понимание того, что все, кто стоит в оцеплении на площади, будут потом вычислены, зарегистрированы, препровождены – впервой, что ли, этой стране, она и не такое перемалывала в своих мясорубках. До слез обидно за дочь – неужели ей жить опять при этих... Все меняется в пять утра, – на балкон выходит мэр города и в громкоговоритель кричит, что путчисты сели в самолет и улетели в сторону Фороса, судя по всему – просить у Горбачева прощения. Сначала в это просто не поверилось – там, в Москве, у Белого Дома, люди победили, встали на пути у танков стеной, и танки остановились, три человека погибли, но мы победили, и этого уже не отнять...

На следующий день Антон отсыпался с девяти утра до полудня, после чего, не приходя в сознание, поплелся на работу. Потом приехала сестра, он ходил с ней по Питеру и показывал остатки баррикад, – и вдруг в какой-то момент стало понятно: свобода!

Через неделю Антон вернулся из Питера в новгородскую деревню, пузырясь от недавних событий и своего в них участия. Они сидели с дядей Гришей во дворе на бревнах, курили «Приму», и говорили о путче и коммунистах. Дядя Гриша был необыкновенно возбужден. Он говорил, описывая красивые восьмерки огоньком сигареты – «Антон, ну что они снова выделываются? Им же власть была дадена! на семьдесят лет власть была дадена! И что?».

И дальше события, как калейдоскоп – развал Союза, запрет компартии, ощущение чего-то очень исторически значительного... и уже потом, через много лет – осознание того, какая грязь всплыла на волне нашего подъема, как бессовестно демагоги и спекулянты оседлали эту волну, вытеснив, а то и ликвидировав настоящих народных лидеров... и они все-таки отняли у нас нашу победу, да так, что сначала мы и не заметили. И оставили нам возможность бессильно наблюдать за безнаказанным, разнузданным расхищением целой страны... И все же мне кажется, что понимание того, что нас всегда так или иначе используют, не должно приводить к смещению каких-то внутренних ценностей. Потому что если мы будем думать о том, что нас с нашими убеждениями может использовать тот или другой мерзавец – мы начнем ставить свои убеждения в зависимость от него. А это будет значить, что мерзавцы нас победили уже по-настоящему.

Ваучерная приватизация – красноречивый рыжий политик обещает, что цена одного ваучера, который получит каждый житель страны, будет равняться двум автомобилям «Волга». Шок – за ваучер дают не две Волги, а две водки или одну акцию саморазваливающейся финансовой компании-однодневки... «Красные директора», уже припрятавшие свои партбилеты в дальние ящики

столов, за стопку ваучеров выкупают предприятия в собственность. «Залоговые аукционы» только для своих – на них за копейки передаются в частные руки заводы, фабрики, и целые отрасли и территории. Старшее поколение – в панике, их накопленные за всю жизнь сбережения обращаются в ничто, в ворох резаной бумаги. Цены стремительно растут, на месячную пенсию можно купить одну банку сметаны. Спасают все те же «приусадебные участки». По ночам, а иногда и днем, на улицах стрельба, это бандиты делят город. Странно, но именно тогда, во время этого беспредела и бандитизма где-то в глубине все-таки формировались основы новой экономики – те самые, благодаря которым стала возможна «стабильность» двухтысячных.

Рассказ американского ученого, посетившего Россию в начале 90-х. Передаю его так, как я его тогда понял, перевел, и запомнил:

«... Когда я приехал в Москву в первый раз, меня поселили в гостиницу «Академическая». Это была хорошая гостиница, только меня немного удивляло, что в туалете вместо туалетной бумаги висит порезанная газета «Правда». И еще удивляли тараканы. Я был во многих странах, но таких дружелюбных тараканов я не видел нигде. Когда утром я шел к зеркалу бриться, они сразу же выползали на зеркало и смотрели на меня - поэтому бриться мне было сложно. Вообще странная была гостиница, но хорошая.

... Обрато в Нью-Йорк я летел через Лондон. У меня был билет в бизнес-классе, и до Лондона я летел без соседей, а в Лондоне на соседнее кресло сел англичанин. Такой, знаете, типичный английский денди – пижон и сухарь неразговорчивый. Поздоровался – буркнул что-то неразборчиво, открыл кейс, достал оттуда книгу и уткнулся в нее. Ну ладно, думаю, не больно-то и хотелось общаться, почитаю тоже книжку. Достаяю кейс, открываю – из кейса выползают два таракана, разворачиваются, и, оценив обстановку, уходят врассыпную по салону бизнес-класса.

... Англичанин, понятно, смотрит на меня, как на зачумленного. Я ему объяснил все про гостиницу Академическая; он молча выслушал и снова уткнулся в книжку. И только когда мы уже подлетали к Нью-Йорку и стюардессы стали разносить анкеты и иммиграционные формы, он повернулся ко мне и сказал первую за весь полет фразу – «а вы своих животных декларировать собираетесь?»».

Вторая женитьба, недолгая. Коммуналка. Влюбленность, драма, второй развод. Влюбленность превращается в следующую драму, лет так еще на семь. Друзья восхищены умением героя нашей повести находить себе именно тех женщин, которые способны максимально истрепать нервы и ему и себе. Впрочем, сам он тоже не подарок, если совсем уж честно – дурак-дураком, да и характер соответствующий.

И вот – 93-й год, и стреляют уже не на окраинах: в самом центре Москвы танки лупят по тому самому Белому дому, вокруг которого два года назад вместе стояли в оцеплении и те, кто сейчас внутри, и те, кто сейчас снаружи...

И безнадежность на работе, умирающий институт, пустые коридоры с черными потолками, освещенными одной-единственной лампочкой... Туалеты без воды, комнаты без отопления. Вокруг никого – все ушли из науки и занялись спекуляцией – это называется «уйти в бизнес», и это в порядке вещей – в стране нельзя ничего производить, а можно только покупать и продавать, и никто и не производит ничего, все покупают и продают, или стреляют и отбирают, но лаборатория пока еще держится – сначала Шефу удается доставать по каким-то своим академическим каналам хоть нищенское, но финансирование, а потом он и вообще содержит сотрудников на свою Гумбольдтовскую премию. Друзья уходят – те, кто не хочет идти в бизнес, уезжают – далеко, за

океан. Однокурсник – аспирант, светлая когда-то голова, – пытался спекулировать акциями финансовой пирамиды, погорел на них, занял у друга деньги, отложенные на покупку машины, купил еще акции и опять погорел, занял еще где-то под залог маминой квартиры, опять погорел, теперь продает квартиру – а маму куда? Акционерные общества возникают и разваливаются каждый день, инфляция сегодня съедает все, что удалось заработать вчера, цены на продукты вывешиваются не в рублях, а в долларах, обменные пункты на каждом углу, и около каждого – десятки молодых людей неопределенных занятий, увешанные зелеными бумажками, как новогодние елки...

Повсюду кооперативные магазины и ларьки, около каждой станции метро их больше, чем опят на пне, их витрины заставлены разноцветными бутылками с псевдо-польскими ликерами, псевдо-румынскими винами и псевдо-американскими сигаретами. Алкоголем торгуют всю ночь, никаких ограничений нет, и никаких гарантий тоже. Сценка, увиденная в половине первого ночи: кооперативный магазинчик, мужик берет дешевый коньяк с сомнительной яркой этикеткой. Уже расплачиваясь, нерешительно спрашивает – «а коньяк-то хоть хороший, не отравя?» Продавщица, с явной обидой: «Еще никто не возвращался!».

Зарплата профессора составляет примерно двадцать долларов в месяц, но и ее не выплачивают – «красные директора» отдают фонды заработной платы банкам в оборот под проценты. Проценты (от пяти до десяти в месяц) идут на их личные счета. И все чаще звучит непонятное слово «дефолт» – никто толком не знает, что это такое, но вся страна, затаив дыхание, ждет, переведет ли нам Международный валютный фонд очередную порцию валютной помощи, или нет, потому что если не переведет – то рубль рухнет, и тогда уж точно не видать нам ни зарплат, ни заработков... Помощь все-таки переводят, но она исчезает там же, где исчезли предыдущие миллиарды, и рубль все-таки падает – за день в четыре раза, и до того запредельные цены взлетают до небес, никто не знает, как жить дальше...

И при всем этом – радостное чувство надежды. То самое, воспитанное советскими книжками и фильмами – пусть сейчас плохо, но потом точно будет лучше. В конце концов, мы ждали перемен - и вот они, перемены! Пусть жрать нечего, зато читать можно, сколько хочешь. Книжки, напечатанные на желтой газетной бумаге, рассыпаются после первого прочтения, переводы, сделанные целыми бригадами студентов-филологов, отвратительны, но это книжки! Сотни газет всех цветов и оттенков, выборы, исход которых не ясен заранее – причем настолько, что однажды их выигрывает партия Жириновского, к его собственному огромному удивлению. От телевизоров по вечерам не отлипнуть – там передачи в прямом эфире (ведущий КВН даже показывает на камеру наручные часы, чтобы убедить зрителей, что это правда прямое включение), политические дебаты, «Взгляд» с еще живым Листьевым, «600 секунд» – совершенно новый формат новостей; все запрещенные раньше фильмы и запрещенные раньше темы – все это впервые в жизни целой страны. И как лозунг эпохи - радостный вопль с телевизионного экрана конца восьмидесятых: «Партия, дай порулить!»

Поездки за границу по работе, первый шок от того, как живут люди по ту сторону. Лучшее слышанное когда-либо сравнение – черно-белый телевизор без предупреждения поменяли на цветной. Чистые, веселые, красочные города без мусора и пыли, буйство красок в продуктовых и цветочных магазинах, вообще цветы повсюду, и люди – улыбаются, а не глядят угрюмо и недоверчиво, как много раз поколоченная палками собака... Сейсмическая обсерватория в Бельгии, рядом – маленькая деревушка с единственным баром. Антон дарит на память бармену банкноту в пять тысяч рублей. Бармен, пожилой сицилиец, смеется, спрашивает – «я могу купить на эти деньги дом»? Нет, дом – вряд ли, но пачку сигарет без фильтра – вполне... Жаль, что в этом баре не продают сигареты без фильтра.

1999 год. Ночь, больничка, приемный покой хирургического отделения. Антон сидит с наспех перемотанной башкой - по глупости получил рукояткой пистолета по кумполу, без особого успеха попытавшись не пустить двоих бугаев в масках – один был с пистолетом, другой с ножом – в квартиру, которую тогда снимал. В очереди с ним - порезанные, переломанные, стукнутые. Некоторые просто лежат у стенки; иногда из кабинета выходит врачуга и наметанным глазом определяет, кто из них уже откинул копыта, а кто еще нет. Две тусклые лампочки освещают все это великолепиие. Кто-то стонет, кто-то блюет. И вдруг мужик из порезанных выдает нетрезвым голосом на всю больничку – «Во, блин! Американский сериал «Скорая помощь»!»! Минуты три ржут все, включая тех, кто до того молча валялся у стенки.

Двухтысячный год. Надо же, дожили, даже не верится. Новое тысячелетие не то началось, не то начнется через год. Приглашение в Данию на год с возможностью продления контракта. Страна-сказка, страна-игрушка, но про это уже целая книжка написана и даже издана, не имеет смысла повторяться. Через два года, по возвращении – совсем другой мир, беспредел девяностых закончен, все финансовые потоки взяты под жесткий контроль, теперь бандиты добывают себе территории не перестрелками за чертой города, а в чиновничьих кабинетах. Все формализовано, все имеет свою цену. Да, впрочем, Господь им всем судья. Стрелять перестали – и ладно.

Неожиданное знакомство – она не свободна, хуже того, она – подруга знакомого, из той самой компании, в которой и без того сплошная Санта-Барбара последние десять лет, и надо бежать подальше, и оба мы это знаем, но бежать не получается, потому что надо же, как стукнуло в сорок с лишним лет, про это рассказывал Мастер – так поражает молния, так поражает в переулке финский нож... Притяжение, отталкивание. Летний Сад. Письма, сотни писем. Милых, мучительных, иногда – жестоких. Все, конец. На душе пусто. Письма еще приходят... Стихи. Никогда не писал их – и вот... Ночи в сети, в разговорах с такими же потерянными душами. Иногда вдруг – звонок, встреча на улице, в кафе на пять минут, невозможно не прийти, и остаться тоже невозможно...

Много чего было, и многое еще будет. Крупногабаритная мадам на заднем сидении перешла с нервного взрывчатого храпа на равномерный дизельный, а Антон все еще тарасился в темное окно, за которым не было ни единого огонька, и вспоминал девятый «А».

- 7 -

Юрка сыграл сразу в нескольких спектаклях городского народного театра, и весь класс ходил эти спектакли смотреть, и бешено аплодировал. Играл он великолепно, жил в образе, не пережимал и не переигрывал, и казалось, нет такой роли, с которой он не справился бы. Пашка тоже играл – в гандбол за республиканскую юношескую сборную, он был вратарем. Антон никак не мог понять, что за радость в том, чтобы изображать бесплатную мишень для маленьких тяжелых, летящих с огромной скоростью мячиков, но Пашка находил в этом какое-то странное удовольствие.

На городской олимпиаде по физике Антон занял первое место – и это была целиком и полностью заслуга Фиры. Ну и, понятное дело, был это момент славы. Целый день он наслаждался восхищением и признанием современников, то есть одноклассниц, одноклассников и учителей, а следующие два урока физики он просто-напросто прогулял, полагая, что и так знает все, что ему необходимо. Придя на следующий урок, он попал на контрольную, которую написал, исходя из своих общих представлений о мире – но увы! Раздавая проверенные работы, Фира посмотрела на своего «любимчика» ехидным взглядом и громко возвестила – «а работа Антона – это вообще издевательство над физикой! Два балла».

Литераторша Лора тем временем продолжала свою диверсионную работу среди нацеленных на точные науки учеников. Была затеяна постановка Островского «Свои люди – сочтемся» в стиле любимовской постановки Брехта – с современными декорациями и костюмами, жестким действием, песнями между сценами (Лора их называла «зонги»). Антон с Еленой должны были исполнять эти самые зонги, а главные роли двух мерзавцев-молодоженов исполняли (ко всеобщему веселью) Пашка и Нэля. Юра, конечно, играл Самсона Силыча. На генеральную репетицию пришел тот самый режиссер-новатор из профессионального драмтеатра – одобрительно похрюкал, раскритиковал всех, напоследок сказал «а остальное мне понравилось!» «А остальное – это я!» громко заявил Пашка, которого режиссер забыл упомянуть в своем разборе.

Спектакль приняли чуть ли не овациями, и обсуждали добрых полгода. К счастью, партийная цензура в прибалтийской республике была не так строга и вездесуща, как в Центре – никакая комиссия не приехала расследовать вольнодумство, и Лору никто не покарал за следование «сомнительным примерам». Юру уже узнавала вся школа, младшеклассники показывали на него пальцами.

Пашка, Юра и Антон к тому времени подружились – насколько могли подружиться три закоренелых индивидуалиста. Впрочем, казалось, что дружат вообще все – и отличники, и троечники (двоечников в классе не было), и спортсмены, и поэты. Просто Антон с Пашкой и Юркой чаще других вместе прогуливали уроки в Старом городе. Один раз они попали на первый (и, кажется, последний) в стране съезд хиппи. Это было клево – маленький Вудсток вместо урока биологии. Колоритные немые хиппи возлежали на траве в живописных позах, школьники благоговейно взирали на них. Где-то рядом бродили и БГ, и Макаревич с «Машиной Времени», но наши герои об этом и не подозревали. К учебе они относились легко, все как-то само давалось. Домашние задания делали редко, иногда списывали их перед уроками у серьезной кареглазой Люды и других отличников, а то даже и не списывали. Впрочем, на контрольных обычно одноклассники списывали у них.

Иногда заходили к Пашке – его старший брат виртуозно играл на гитаре, и охотно учил «молодежь». Пару раз вся компания ездила в гости к Юрке – его отец, хирург-гинеколог, неизменно производил на них впечатление. Он держал в особом шкафчике, который называл баром, только очень по тем временам дорогие импортные коньяки (на зарплату инженера тогда можно было купить, точнее, «достать» две с половиной бутылки средненького французского бренди «Наполеон»), угощал гостей сына бутербродами с икрой, и казалось, был очень невысокого мнения обо всем человечестве.

Елена Прекрасная сменила сдержанность по отношению к Юре на вполне определенную благосклонность, и наши друзья теперь иногда заходили к ней после уроков – Юрка пел, вкладывая в песни все свое обаяние. Ох, как умел он это делать... Елена была уже не так дружна с Ленкой из параллельного класса – Юрка, как настоящий артист, требовал, чтобы ему отдавали все внимание без остатка, и делиться не собирался ни с кем.

Для Антона все изменилось с переездом в Ленинград. После смерти отца, флотского офицера, в Прибалтике их ничто не держало, а маме хотелось уехать подальше от воспоминаний о больницах, госпиталях, болезни, вернуться в родной город, где с самого детства она жила не просто в центре, а на самом Заячьем острове, в коммуналке на шестнадцать комнат в единственном жилом доме в Петропавловской крепости – и даже сестра Антона Марина успела там родиться, чему родившийся в NN Антон всегда завидовал. Воспоминания о Ленинграде были светлы. Там мама училась на архитектурном в Репинской Академии, там она встретила будущего отца Антона – курсанта высшего училища Фрунзе. Были и другие воспоминания о Петропавловке – мама прекрасно помнила, как ее отец, артиллерист, начавший воевать подпоручиком в 1916-м году и закончивший полковником в 1945-м, в тридцать седьмом не спал ночами, бегал к окну, жег бумаги, – в доме жили офицеры с

семьями, и чуть ли не каждую ночь подъезжали черные «Маруси», и никто не спал, все гадали – к кому в этот раз... Но это было давно, в былинные времена. Марина такого не помнила, зато прекрасно помнила очередь в общий туалет. А Антон помнил только поездки в гости к бабушке в дом, где подоконники были настолько широки, что он во всю длину лежал на них поперек, и салют, который смотрели из-под козырьков парадных, потому что вниз с неба падали несгоревшие пироэлементы; после салюта мальчишки кидались их собирать, и набирали целые мешки этого ценнейшего добра.

Был найден вариант обмена, начались сборы. Классная руководительница, англичанка Инна, предлагала оставить Антона у себя. «Ну куда вы его повезете, где он там будет учиться? Пусть уж доучится в хорошей школе!» – уговаривала она маму. Но Антон тоже мечтал о Ленинграде. Ему хотелось в университет.

Помогать разбирать мебель и упаковывать вещи пришел весь класс. Командовала процессом, конечно, Нэлька, не терпя при этом никаких возражений даже от мамы.

И весь класс пришел на вокзал – провожать. Принесли гитары, пели песни. «А все кончается, кончается, кончается, уже качаются перрона фонари, глаза прощаются, надолго изучаются...» И снова – «давайте восклицать, друг другом восхищаться...»

- 8 -

После школы Юрка приехал в Питер поступать в театральный, и поселился у Антона. Конкурс в театральный был – больше двухсот человек на место, на курс принимали всего человек пятнадцать. Большую часть абитуриентов отсеивали еще до экзаменов, на первом собеседовании, а потом начиналась настоящая работа. Три тура экзаменов Юрка прошел блестяще, попав в первую десятку. А потом, когда оставалось пройти последнее собеседование – почему-то снялся с места и уехал в NN, – объясняться о чем-то с Еленой. Так или иначе – в институт он не поступил. И тогда он подал документы в Первый медицинский. «Если уж я не могу играть в театре, а должен горбатиться на кусок хлеба, то пусть этот кусок будет с маслом, а лучше – с икрой» – так мотивировал он свое решение.

Наверное, сдать экзамены в Первый Мед на хирургический, никак задолго к ним не готовясь, и не имея никаких знакомств в чужом городе, мог только очень талантливый человек. Юрка был как раз таким человеком. Он сдал экзамены, прошел по конкурсу и был принят в институт.

Мама Антона философски отнеслась к тому факту, что вместо одного оболтуса в квартире появилось два. К Юрке она привыкла, относилась к нему, как к сыну. В квартире постоянно было полно народу – заходили те одноклассники, которые поступили в питерские институты, приезжали в гости и оставались пожить близнецы – по одиночке, вдвоем, и с подругами. Несколько раз даже промелькнула невероятно похорошевшая Ленка – она тоже приехала учиться в Питер. Тоненькая восторженная Марина, вошедшая в историю фразой «как можно – быть в Ленинграде и не сходить в театр Маяковского!», тоже приезжала поступать в театральный, но не прошла первое собеседование и уехала. Приходили ленинградские одноклассники Антона и его новые приятели с физфака. Приходили Юркины приятели и подруги из медицинского. В общем, квартира стала небольшим клубом. Кто-то из медиков принес какую-то дурь, ее курили на балконе. Антон из любопытства тоже попробовал, результат ему страшно не понравился, и больше он в таких экспериментах не участвовал. Вообще Юрка его иногда пугал – например, однажды он пришел откуда-то на взводе и залез в ванную. Через час к нему стали стучаться, потом сломали дверь и обнаружили его спящим в

ванне, полной уже еле теплой воды. Несколько раз мама его выручала из милиции. Иногда он просто пропадал на несколько дней, а то и недель, и не объявлялся при этом ни в институте, ни дома, в городе NN. В общем, в лихую студенческую жизнь он ворвался с твердым намерением взять от нее все, что можно.

Антон все больше времени проводил в своей физфаковской компании, Юрка – в своей. Но то и дело они вместе отправлялись в NN на выходные – для этого нужно было подойти к проводнику и дать ему три рубля за право ехать на третьей (багажной) полке. Иногда в поезд заходили ревизоры. Тогда проводник мог высадить «зайцев» на первой же станции. В городе NN наслаждались только что обретенным правом посещать «настоящие» кабаки и рестораны (в рестораны, правда, пускали джентльменов только в галстуках, а дам – в чулках, обязательное такое было условие). Жили у Юрки, в двадцати километрах от города, ездили на автобусе или такси – если удавалось найти попутчиков, чтобы взять такси в складчину. Один раз, зимой, дорогу до NN замело, и Юрка опоздал на свидание с Еленой Прекрасной на час с лишним, и топтался под фонарем, не зная, где ее теперь искать и как оправдываться, когда он ее найдет. И тут появилась она, гордая и величественная – она опоздала на полтора часа и была абсолютно спокойна...

Сломалось все неожиданно. Юрка влюбился в Ленку с кудряшками. Влюбился, как он делал в эти годы все – с размахом, с надрывом. Что, как и почему – то ли она, наконец, решила попробовать на нем силу своего обаяния, то ли ничего она не решала, а просто что-то такое в ней появилось, что не влюбиться было никак нельзя – этого Антон не знал, он уже был слишком занят своими делами, физфаком, стройотрядами, однокурсницами, а в конце третьего курса вообще собрался жениться. Юрке пришлось искать комнату. С тех пор они виделись еще раза два или три. У Юрки случилось что-то, что совпало с его переездом – и он обрубил старые контакты полностью. «Я начинаю новую жизнь с нуля. Совсем с нуля» – сказал он. Мама Антона переживала, Юрка уже залез ей в душу, и она не могла понять, как можно взять и из души кого-то вычеркнуть. Доходили слухи, что он женился на дочке генерала от медицины, получил хорошее место, живет в большой квартире в центре города. Впрочем, никто ничего толком не знал.

Первый брак Антона оказался серьезным испытанием не только для него, но и для всех окружающих; со стороны казалось, что его с красавицей-женой объединяет только взрывной темперамент. По квартире летали тарелки и чашки, а иногда и вазы и утюги, и кошка к своему лотку пробиралась, как под обстрелом – прижимаясь к стене, а потом и вовсе сбежала из дома. С рождением дочки боевые действия приостановились – но ненадолго, всего на пару лет. В общем, эмоций хватало... а во второй половине восьмидесятых трести начало уже всю страну. Границу с ныне независимой, «маленькой, но гордой» прибалтийской страной обнесли колючей проволокой, и поездки в город NN прекратились.

- 9 -

В середине девяностых годов вдруг откуда-то появился Пашка – мало изменившийся, веселый, разбогатевший. Узнав, что я не общаюсь с Юркой, сказал «ну вы, питерские, блин, даете», сел на телефон, куда-то дозвонился, узнал номера и адреса, и через полчаса мы уже ехали к Юрке с пакетами, набитыми бутылками с красивыми этикетками. Дверь открыл Юрка, познакомил с женой. Визиту старых друзей обрадовался, но как-то вяло. Пить отказался, – объяснил, что бросил. В разговоре участвовал мало – смеялся в положенных местах, спрашивал – «Да? Ну надо же... Вот как»... Гитару не принес. Да и непонятно, была ли у него дома гитара. Сказал, что много работает и очень устает. Жена на друзей глядела с подозрением. Скоро мы, хоть и были уже изрядно навеселе, почувствовали, что пора уходить. В этот день я видел Юрку в последний раз.

О том, что Юры нет в живых, первым узнал все тот же непоседливый Пашка в 2007-м. Все телефоны сменились, по мобильным номерам никто не отвечал, и тогда он отправился к Юре прямо домой. Дверь открыли незнакомые люди, – они-то и сказали, что человек, который жил здесь до них, умер. Пашка позвонил Юриному отцу – тот отказался говорить о Юре вообще. Наконец нашли телефоны жены и брата, и оказалось – да, умер в 2004 году, в ноябре. Пришел домой с работы и умер. До того – много работал, зарабатывал деньги, строил большой дом. В семье было все сложно. Вообще было все сложно. В городе NN не нашлось ни одного человека, который знал бы, где Юра похоронен. Одноклассники в новость поверили не сразу – если поверили вообще. Невозможно было представить, что Юрка способен на такое свинство – взять и умереть, и лишить всех возможности собраться еще раз, и чтобы опять было – «виноградную косточку в теплую землю зарю»... и «давайте восклицать, друг другом восхищаться»...

- 10 -

Вечер встречи удался. Пришли почти все, приехали из разных городов, и мужики оказались не такими лысыми и пузатыми, как могли бы быть. Братья-близнецы – все так же пришли вдвоем, и все так же делают вид, будто друг с другом не знакомы... А девчонки выглядят прямо как тогда. Люда и Светка, обе красавицы, и обе учительницы – Люда серьезная, как круглая отличница, а завуч Светка гораздо больше похожа на профессиональную модель, чем на завуча, и Нэлька – вот она, ах, как хороша... Правильно говорят наши учительницы – в нашем возрасте жизнь только начинается, и нечего тут комплексовать... «С нами женщины, все они красивы»...

Не было Елены Прекрасной (как-то решила не приезжать), не было нескольких выпускников, разъехавшихся по Америкам и Европам. Да что там Америка, кудрявого когда-то Игоря занесло аж в Австралию, и ходит он там вверх ногами, потеряв роскошную шевелюру... Зато – о радость – пришли учительницы Фира и Лора, энергичные и полные жизни. Да, сказали они, ваш класс мы не забудем! До него был еще только один такой, первый выпуск в той школе за двенадцать лет до вашего, – и потом ваш десятый «А», и таких больше не было – «все они красавцы, все они таланты, все они поэты»...

Господи, а это кто? Смеющиеся глаза, светлые кудряшки, точеная фигурка... Ленка из параллельного, ну надо же, молодцы девчонки, кого привели! И она тоже теперь учительница, ну дела... Замужем, да... вот представь, за тем самым старинным обожателем, он теперь капитан дальнего плавания, между прочим. А вот – старые карточки, посмотри, какие мы здесь смешные... И Юрка... да, я помню, это я его фотографировал. Ну все, пора за стол, начинается официальная часть, все по очереди рассказывают о себе, потом говорят Фира и Лора...

Все, вечер кончается, теперь все, кто могут – идут в ночной клуб, поговорим там (ну какие разговоры могут быть в ночном клубе?) Пашка с Нэлькой – стоят рядом и зверски похожи на себя тридцать лет назад, особенно если Пашке бородку сбрить, и вид у обоих глуповато-счастливый... Из клуба – гулять по городу, хотя остались только самые стойкие, девчонки, собравшие нас здесь... Черт, с Лорой и Фирой хотелось поговорить еще, жалко... ну ничего, в конце концов, есть электронная почта и мессенджеры...

Интересный был класс – девятый-десятый «А». Кстати, картинка под заглавием этого рассказа – действительно статья про этот класс в республиканской газете, и даже что-то про мой отъезд там есть – что без меня, дескать, уже совсем не то... Конечно, без меня не то, с этим я совершенно согласен. Интересные в этом классе собрались люди – каждый был чем-то талантлив, и даже если чьи-то способности не были видны сразу, они проявились потом – кто-то обнаружил в себе скрытый

потенциал таможенника, кто-то, не к ночи будь сказано, – кэжэбэшника. Юрка – поэт, музыкант и артист, – говорят, успел-таки стать отличным хирургом; театралка Марина стала профессионально учить бизнесменов тому, как им следует вести бизнес, а спортсмен, раздолбай и специалист по сверхзвуковой аэродинамике Пашка, как всегда, выпендрился и сколотил состояние на импорте в Россию из Англии песка и глины – как будто в России своего песка мало.

Домой подвозили Ленка с Людой. И уже рядом с домом, заглушив мотор, говорили – долго, чуть ли не до рассвета, и говорили бы еще, но у девчонок-учительниц впереди был рабочий день. Говорили о последних тридцати годах, говорили о Юрке, и встали на свои места если не все, то многие кусочки головоломки, достаточно, чтобы сложиться в картинку, сложилось то, что не видно было даже близким... А были ли они, близкие, у Юрки? Наверное, нет... Всем он открывался с какой-то одной стороны, или закрывался – по своему выбору. Когда за год до смерти его разыскали, чтобы пригласить на встречу одноклассников, он ответил, что у него есть дом и работа, а больше его ничего не интересует...

Ленка знала многое о том, что тридцать лет назад не заметил занятый своими проблемами Антон. И только сейчас, на окраине предрассветного города, сидя в машине с выключенным двигателем, я начал понимать, какая сила притянула друг к другу – Ленку с ее доставшимся ей на всю жизнь даром влюблять в себя и быть любимой, и Юрку, с его способностью жить каждый день так, словно он – последний в жизни, и любить с размахом, без оглядки... и как та же сила оттолкнула их, не могло быть иначе – отталкивала их и притягивала, и в какой-то недобрый день оттолкнула окончательно. И тогда и случился этот перелом, и тогда, наверное, врач-хирург Юрий несколькими точными движениями вырезал из себя того Юрку с его песнями, друзьями, стихами, влюбленностями и молодым романтизмом, уничтожил его раз и навсегда, и занялся планомерным строительством новой благоустроенной жизни. И что-то в сердце не выдержало такой перестройки, стало сбойть. Были инфаркты, и вот – последний... А может, и совсем не так все было, кто же теперь сможет это сказать?

Провожать к автобусу неожиданно пришли девчонки – Люда, Оля, Ленка. Почти опоздали, смеялись, шутили, как на платформе тридцать лет назад, только что гитару с собой не захватили, но и без нее в глазах начало щипать. Честно говоря, я был уверен, что в ныне независимом городе NN меня никто давно уже не помнит – а вот же... В автобусе нахлынуло – я вытащил из кармана КПК (что-то вроде уменьшенного планшета – древний предшественник смартфона без телефонного блока – *прим. ред.*) и начал набирать этот текст.

Про друзей, про подруг, про учителей. Про город NN, который тоже в один прекрасный день заявил, что начинает новую свободную жизнь с нуля. Но свобода стала реальностью для провозглашенной, но не признанной прибалтийской республики не сразу, а только после той самой ночи в августе 1991-го, когда в России сотни тысяч людей живым щитом защитили от танков свои первые свободно избранные парламенты, и победили, и не дали снова обнести пол-Европы колючей проволокой... Интересно, а найдется ли в музее советской оккупации, выстроенной на Площади Свободы независимого города NN, хоть строчка о той августовской ночи, и о погибших в Москве ребятах?

Да нет, конечно, нет... Как не нашлось в Минном музее города NN ни одной строчки, ни одного упоминания о моем отце – флотском офицере, в течение двадцати лет командовавшем в этом городе крупной береговой минно-торпедной частью, капитане 1-го ранга, кавалере ордена Красной Звезды, уникальном специалисте, лично обезвредившем по меньшей мере четыре десятка немецких и советских морских мин – выброшенных на берег, пойманных рыбацкими сетями и тралами по всей Прибалтике, вытасненных землечерпалками и экскаваторами, начиненных множеством

смертоносных ловушек и секретов... Отец учился на штурмана, а потом – на военного инженера, но жизнь сложилась иначе, и сотни раз, пока не кончился ресурс организма, он рисковал собой для того, чтобы сберечь чьи-то жизни, и всегда шел на разминирование сам, даже тогда, когда по должности своей уже не только мог, но и обязан был посылать вместо себя других...

Вспомнился испуг зрителя Минного музея, когда я предложил прислать в музей материалы об отце – «ну что Вы, как можно в наше время упоминать советского офицера!». Ну что же, нельзя – так нельзя. Не упоминайте, мы помянем его сами. Когда-нибудь, лет через сто-двести, ненависть к режимам перестанет переноситься на народы, – хотя бы потому, что нет народов, которые не пострадали от этих режимов, и не внесли свой вклад в страшную статистику. Время все расставит по своим местам, и, может быть, и этот нескладный рассказ сыграет какую-то роль... Когда-нибудь, но не сейчас. Сейчас, похоже, маятник летит в обратную сторону, и мы снова погружаемся в мир средневекового мистицизма, невежества, инквизиторства... ненависти к каждому, кто отличается от нас. *Сон разума рождает чудовищ.*

Но к лешему политику и политиканов, к лешему кордоны с рыбаглазыми пограничниками, к лешему всю эту наносную муть – пока мы еще есть по разные стороны от тридцати трех границ, и висят еще на стенах гитары, и можно, перевирая мотив, тихо спеть – «давайте восклицать, друг другом восхищаться»... и еще – «виноградную косточку в теплую землю зарю»...

Вот такая вот музыка, вот такая вот вечная молодость.

*Антон Вершовский
2008-2020.*